

УДК 130.2

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ
В СТРУКТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА.
АНАЛИЗ СТРУКТУРНОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ
СИСТЕМ РОДСТВА ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН**

Е.А. Кокарева

В статье рассматривается эволюция идей популярного западноевропейского течения — структурализма: от лингвистики Ф. де Соссюра до структурной антропологии французского этнографа 40–50-х гг. XX в. К. Леви-Строса. Последний обнаруживает структурное сходство между языком и реальностью, рассматривает все феномены культурной жизнедеятельности человека через язык (систему родства, ритуалы, обычаи, мифологию, живопись и т.д.). В философии и гуманитарных науках, таким образом, получает обоснование идея относительной автономности языка, его влияние на реальность. Исследуется проблема соотношения языка и культуры (реальности) в программе структурной антропологии, дается анализ структурного метода К. Леви-Строса.

Ключевые слова: язык; реальность; структурализм; структурная антропология; К. Леви-Строс; бессознательная структура; система родства.

Вопрос о взаимосвязи языка и реальности (а также языка и культуры, языка и мышления) стал актуален в начале XX в., в связи с «*лингвистическим поворотом*» в философии, ознаменовавшим момент перехода от метафизического и рационалистического мышления классической философии к неклассической, обращенной к языку, анализу знаков и смыслов как альтернативе разума, картезианского «*согито*» — центра внимания прежних теорий. Языковая революция нашла выражение в логико-философских исследованиях аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Мур, Л. Витгенштейн и др.); логическом позитивизме, исследовавшим не саму реальность, а то, что о ней говорится, т.е. язык (Р. Карнап и М. Шлик); феноменологии Э. Гуссерля; фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, где язык рассматривается как медиум (посредник) бытия («язык — дом бытия»), герменевтике (Г. Гадамер, П. Рикёр), структурализме (К. Леви-Строс, Р. Барт, М. Фуко) и постструктурализме (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Р. Барт, М. Фуко).

Особенно остро встает проблема взаимосвязи языка и реальности в современных философских концепциях структурализма и постструктурализма, где выдвигается идея активности, субстанциальности языка как особой автономной реальности, доминирующей над всеми явлениями действительности,

подчиняющей их себе и порождающей и организующей их по аналогии со своей структурой.

Структурализм является последним крупным синтезом западноевропейской мысли. Сегодня это одно из наиболее влиятельных, ведущих философских течений, точнее — гуманитарная методология исследования языковых и социокультурных явлений в современной Европе и Америке, приведшая к радикальной переоценке мировой культуры. Структурализм проявился в самых различных сферах гуманитарного знания: лингвистике, литературоведении, философии, социологии, антропологии, истории, искусствоведении, породив своеобразное единство мировоззренческих идей и новый образ мышления.

«Структурализм, ставший широким культурным течением, зародился в лингвистике» [4, с. 48] в начале XX в. Подход к языку как особой знаковой системе, обладающей определенной структурой, был предложен и разработан швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Метод структурного анализа языка получил дальнейшее развитие в идеях глоссематики (Л. Ельмслев), дескриптивной лингвистики (Л. Блумфилд) и в функциональной лингвистики (Р. Якобсон, Н. Трубецкой).

В 40–80-х гг. XX в. «методы структурной лингвистики в философском структурализме были

экстраполированы на исследования человеческой культуры в целом» [3, с. 57]. Опираясь на структурный метод лингвистики, К. Леви-Строс разработал программу структурного исследования и применил ее в области антропологии и социологии. Р. Барт вышел со структурным методом в литературоведение и массовую культуру, Ж. Лакан — в сферу психоанализа, М. Фуко — в историю науки [8].

У истоков разработки методологической программы структурного исследования в сфере гуманитарных наук стоит К. Леви-Строс — крупнейший французский антрополог второй половины XX в. После появления в печати его основных теоретических работ («Элементарные структуры родства», 1949 г.; «Печальные тропики», 1955 г.; «Структурная антропология», 1958 г.; «Мифологии» в 4 т., 1964–1971 гг.; др.) Франция, по выражению Ф. Фюра, оказалась буквально оккупирована структурализмом.

К. Леви-Строс видел свою заслугу перед гуманитарными науками прежде всего в том, что предложил для изучения ряда социальных явлений (систем родства, обрядов, мифологии, искусства и др.) метод структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Лингвистика, отмечает К. Леви-Строс, принадлежит к числу социальных наук, но занимает среди них особое место: «Она не является такой же социальной наукой, как другие, уже потому, что достигнутые ею успехи превосходят достижения остальных социальных наук» [10, с. 40]. Только лингвистика, по его мнению, может претендовать на звание науки, так как только ей удалось «выработать позитивный метод и установить природу изучаемых ею явлений» [10, с. 40]. Привилегированное положение лингвистики в середине XX в. послужило стимулом для многих исследователей заимствовать ее идеи и методы и перенести их в область других наук.

Определяющую роль во взглядах К. Леви-Строса сыграли идеи и принципы, разработанные Пражской фонологической школой (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон) [1]. Н.С. Трубецкой сводит фонологический метод к четырем основным положениям. 1. Фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их *бессознательного базиса*: «...реальность, изучаемая в фонологии, представляет собой системы отношений, являющиеся продуктом бессознательной умственной деятельности» [10, с. 71]. 2. Фонология отказывается рассматривать элементы отношения как независимые сущности, беря за основу *анализ отношений* ме-

жду этими элементами. Анализ, проведенный Пражской школой структурализма, показал, что в языковых звуках можно выделить отдельные составляющие — дифференциальные признаки, одни из которых необходимы, а другие не необходимы для выполнения звуком знакоразличительной функции: «Эти отношения (так называемые фонологические оппозиции) определяют существенное ядро языкового звука — фонему и объединяют фонемы в настоящую, внутренне связанную фонологическую систему» [6, с. 56]. 3. Фонология вводит *понятие системы*. 4. Фонология стремится к *открытию общих законов* — либо найденных индуктивным путем, либо выведенных логически, что придает им абсолютный характер. Именно эти принципы фонологии послужили образцом в первую очередь для гуманитарных наук, которые вслед за лингвистикой стали перестраиваться на новой теоретической основе.

Метод, использующийся в фонологии, заимствовал К. Леви-Строс: он сформулировал структурный подход для этнологии (культурной антропологии). Изучая системы родства (а также обрядов, ритуалов, мифов, фольклора, искусств и др.) «первобытных» племен Центральной и Восточной Бразилии, он заметил, что антрополог и социолог оказываются в ситуации, *формально* напоминающей ситуацию, в которой находится лингвист-фонолог. «Как и фонемы, термины родства являются ценностными элементами; как и первые, они обретают эту ценность лишь потому, что сочетаются в системы; “системы родства”, как и “фонологические системы”, были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления. Наконец, совпадения в удаленных районах земного шара и в совершенно различных обществах форм родства, брачных правил, предписанных норм поведения между определенными типами родственников и т.п. заставляют думать, что как в одном, так и в другом случае наблюдаемые явления есть не что иное, как результат взаимодействия общих, но скрытых законов» [10, с. 43–44]. Другими словами, К. Леви-Строс делает вывод о *типологическом сходстве* структур языка и структур культурной организации социума (реальности): «...явления родства представляют собой явления *того же типа*, что и языковые явления» [10, с. 44], «...язык представляет также условие культуры в той мере, в какой эта последняя обладает строением, подобным строению языка. И то, и другое создается посредством оппозиций и корреляций, другими словами, логических отно-

шений. Таким образом, язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах» [10, с. 82–83]. Однако мы бы допустили грубую ошибку, сказав, что К. Леви-Строс отождествил культурные явления с языком. Он усмотрел лишь *формальное сходство (структурное сходство)* между языковыми и культурными явлениями и пытался применить лингвистический (фонологический) метод в социальных науках (антропологии, социологии): «Может ли социолог, пользуясь по отношению к форме (если не к содержанию) методом, аналогичным методу, выработанному фонологией, способствовать в своей науке успехам, сходным с теми, которые достигнуты лингвистическими науками?» [10, с. 44].

С помощью структурного метода этнолог пытается вскрыть *бессознательные ментальные структуры*, воплощающиеся в структурах продуктов культурной деятельности людей (в системной организации родства, обрядах, мифологии, искусстве и др.). Причем в этнологии (по аналогии с фонологией) принимаются во внимание не отдельные элементы культурных явлений, а *отношения* между ними, в которых скрыты сущности этих явлений. Само понятие «*структуры*» для К. Леви-Строса означает совокупность скрытых, непосредственно не обнаруживаемых отношений между элементами системы — отношений, поддающихся ряду преобразований, при которых в них сохраняется нечто постоянное, инвариантное. Причем *структуры* по своей природе *едины* для всех и безразличны к материалам, которые они организуют, а также очень *малочисленны*: «...мир символов столь разнообразен по содержанию и столь однообразен по строению» [10, с. 236]. Если мы вновь обратимся к сфере лингвистики, то обнаружим, что в мире множество различных языков, но вот фонологических законов мало, и они действительны для всех языков. Так же и в других социальных сферах, например, в мифологии и фольклоре: сборник всех сказок и мифов мира занял бы множество томов, но их можно свести к небольшому числу простейших типов, если за разнообразием действующих лиц рассмотреть некоторые повторяющиеся сюжетные линии и простейшие функции.

М.Н. Грецкий, посвятивший концепции французского структурализма немало работ [5, 6, 7], неоднократно отмечал, что понимание К. Леви-Стросом «структуры как инварианта с варианта-

ми» вполне «соответствует современному общенаучному пониманию структуры и позволяет применять в исследовании строгие, в частности математические, методы, поскольку варианты не просто перечисляются, а дедуктивно выводятся из ограниченного количества исходных данных» [6, с. 56].

Социальные отношения являются основным материалом для построения *моделей*, чьи формальные свойства можно сравнивать вне зависимости от составляющих их элементов: «Задача структуралиста состоит в том, чтобы выявить и изолировать уровни действительности, имеющие стратегическое значение, с его точки зрения, другими словами, те уровни, которые могут быть представлены в виде моделей, каков бы ни был их тип» [10, с. 327]. К. Леви-Строс указывает следующие условия, для того чтобы модели можно было считать структурами. 1. Структура есть некая система, состоящая из таких элементов, что изменение одного из этих элементов влечет за собой изменение всех других. 2. «Любая модель принадлежит группе преобразований, каждое из которых соответствует модели одного и того же типа, так что множество этих преобразований образует группу моделей» [10, с. 321]. 3. Вышеуказанные свойства позволяют предусмотреть, каким образом будет реагировать модель на изменение одного из составляющих элементов. 4. «Модель должна быть построена таким образом, чтобы ее применение охватывало все наблюдаемые явления» [10, с. 321].

К основным положениям структурализма необходимо также отнести противоречие между синхроническим и диахроническим методами и примат *синхронии* (статический аспект, позволяющий рассматривать объект в его системе — в самом себе и для себя) над *диахронией* (исторический или динамический аспект). Эта идея восходит к учению Ф. де Соссюра и идеями пражской лингвистической школы. Сам Соссюр называл следующие причины обязательного разграничения между синхроническим и диахроническим методами (в лингвистике) [11]: во-первых, многочисленность знаков, которая препятствует одновременному изучению отношений во времени; во-вторых, то, что язык оперирует понятием ценности, значимости. Значимость, как известно, в каждый данный момент зависит от системы сосуществующих в ней других значимостей. Примат синхронического аспекта объяснял тем, что для говорящих только он — подлинная и единственная реальность. Говорящий как бы отвлечен от последовательности фактов во времени: ему не-

посредственно дано только их состояние. К. Леви-Строс перенес это положение структурной лингвистики в сферу других гуманитарных наук, добавив, что специальное выделение синхронического исследования связано также со специфическим характером объектов гуманитарных наук — их изменчивостью и быстрым развитием. Без такого выделения исследователь, анализирующий и синтезирующий отдельные части объекта, рискует объединить в одну структуру части, на самом деле принадлежащие разным (по времени) структурам и не находящиеся между собой в состоянии взаимодействия. Однако отсюда не следует, что структурный анализ замыкает лингвиста и этнолога в рамках синхронии и полностью отрицает диахронический (исторический) срез. К. Леви-Строс признает, что абсолютное противопоставление диахронии и синхронии «в высшей степени иллюзорно, оно допустимо только на предварительных этапах исследования» [10, с. 108].

Доминирование синхронического метода означает, что для выявления структуры развивающегося объекта необходимо *отвлечься от его развития* и рассматривать его различные части как сосуществующие в один момент времени, то есть синхронически. Лишь после того, как «вскрыто взаимодействие сосуществующих частей, то есть выяснено, что, собственно, данный объект собой представляет, как он функционирует, можно исследовать его развитие, его изменение в разные моменты времени — диахронически» [6, с. 56].

Модели (социальные структуры) могут быть как *осознанными*, так и *бессознательными*, в зависимости от уровня, на котором они функционируют. Различие между осознанным и бессознательным характером явлений культуры показал еще Ф. Боас — предшественник и идейный вдохновитель К. Леви-Строса. Ф. Боас сравнивал явления культуры (реальности) с явлениями языка. Языковые явления, по мнению исследователя, никогда не возникают сознательно, тогда как культурные явления, хотя и берут свое начало от бессознательного, часто возвышаются до уровня сознательного мышления, порождая, таким образом, вторичные умозаключения и повторные попытки их осмысления.

К. Леви-Строс развил идеи Ф. Боаса о бессознательных и сознательных структурах культурной организации общества. Интересно, что позиция Леви-Строса была охарактеризована П. Рикером как «*кантианство без трансценден-*

тального субъекта», и сам К. Леви-Строс согласился с этой характеристикой. Суть его специфического «кантианства» заключается в том, что если у Канта априорные формы чувственности и рассудка накладывались на поступающее извне опытное содержание человеческих знаний, то у К. Леви-Строса роль этих априорных форм играют *структуры бессознательного*.

Структура, погруженная в область бессознательного, делает более вероятным существование модели, «которая, как ширма, заслоняет эту структуру от коллективного сознания» [10, с. 323]. Осознанные же модели, или «нормы», по мнению К. Леви-Строса, являются наименее лучшими из всех возможных, так как в их функции входит обоснование верований и обычаев, а не объяснение их основ. Получается, что наиболее явной оказывается внешняя структура, внутреннюю же структуру труднее понять, потому что осознанные и деформированные модели стоят между наблюдателем и объектом его наблюдения. История, по мнению К. Леви-Строса, останавливается на обобщении данных, которые относятся к сознательным проявлениям общественной жизни. Этнология же, а точнее структурная антропология (наука, развернувшаяся из структурного метода), призвана обратиться к бессознательным основам социальной жизни общества, пользуясь осознанными представлениями (культурными нормами и правилами общества) как первичным материалом. «Если, как мы полагаем, бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой и если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного, — как это блестяще раскрывается при исследовании символической функции в том виде, как она выражается в языке, — то необходимо и достаточно прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев, разумеется, при условии достаточно глубокого анализа» [10, с. 34].

Понятие «*бессознательного*» в концепции структурализма К. Леви-Строса означает «символическую функцию, отличительную для человека, но у всех людей проявляющуюся согласно одним и тем же законам и, в сущности, сводящуюся к совокупности этих законов» [10, с. 235].

Термин «бессознательное» был заимствован структурализмом из психоанализа. Бессознательное, по Фрейдю, представляет собой психические

процессы, которые проявляются активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица, т.е. имеет иррациональную природу. *Бессознательное* в структурализме, напротив, логично и рационально, является объективным, скрытым и бессознательным механизмом знаковых систем. Бессознательное можно представить как формоупорядочивающую и формопорождающую «матрицу», которая определяет возможности расчленения, упорядочения и, следовательно, символического функционирования любых других образований сознания. На сознательном уровне человек манипулирует знаками, строя из них сообщения, фразы, тексты, но делает это, подчиняясь определенным правилам, которые при нормальном пользовании знаковыми системами (языком, например) применяются автоматически, бессознательно. Мы уже отмечали, что еще Ф. Боас заметил бессознательный характер почти всех актов лингвистического поведения. Когда мы говорим, то применяем грамматические правила, не думая о них и даже иногда не зная о них. Так же, по аналогии с языком, по мнению структуралистов, остаются на уровне бессознательного для нас и остальные явления культуры: организация систем родства, мифология, обряды и т.д. Структурный метод, примененный к исследованию этих систем, как раз позволяет переходить от поверхностных, осознаваемых связей к скрытым, неосознаваемым закономерностям, которые, как полагает Леви-Строс, и представляют собой структуры самого интеллекта: «Нужно разработать некий всеобщий код, способный выразить общие свойства, присущие каждой из специфических структур, соответствующих отдельным областям. Применение этого кода сможет стать правомерным как для каждой системы, взятой в отдельности, так и для всех систем при их сравнении. Таким образом исследователь окажется в состоянии выяснить, удалось ли наиболее полно постичь их природу, а также определить, состоят ли они из реалий одного и того же типа» [10, с. 76].

При изучении работ К. Леви-Строса возникает ощущение, что исследователь отождествляет понятия «бессознательное» и «неосознанное», приравнивает понятия бессознательного как такового и бессознательного как незнания, как отсутствия осознания. К. Леви-Строс также фактически не дает теоретического объяснения того, почему и как символические системы вписываются в механизмы бессознательного и сами становятся бессознательными.

Бессознательные структуры не даны непосред-

ственному восприятию, скрыты от наблюдателя, поэтому для их обнаружения, фиксации, исследователю нужно проделать работу, подобную работе геолога, углубляющегося в земную твердь, или археолога, обнаруживающего на основе случайных, казалось бы, деталей быта неизвестных человеческих поселений строгие формы их бытия и культуры.

Наиболее ярким примером непосредственного применения структурного метода для явлений культуры, на наш взгляд, является исследование К. Леви-Строса в области систем родства «первобытных» племен [9, 10].

Исходным пунктом в исследовании структурной организации родства для К. Леви-Строса является приравнивание различных типов обществ (имеются в виду «первобытные» и «цивилизованные» общества), как имеющих единое природное происхождение. Тем самым он полагает, что открывает для себя возможность изучать любые типы обществ путем выявления универсальных для всех них структур. К. Леви-Строс считает, что функции и структура ряда социальных институтов, как правило, остаются неизменными в обществах любого типа. Отсюда делает вывод о том, что их легче всего выявить там, где они проявляются в наиболее простой форме. В этом отношении «первобытные общества дают наиболее благоприятный материал» [10, с. 114] в том смысле, что первобытные общества помогают лучше понять некоторые формы фундаментальной активности, которые всегда и везде остаются необходимыми условиями всякой социальной жизни.

Подобным образом рассуждали и другие культурные антропологи (Б.К. Малиновский, А.Р. Рэдклиф-Браун, Ф. Боас, Р.Г. Лоуи, А.Л. Кребер и др.), и К. Леви-Строс отталкивался от их идей и исследований. Однако метод К. Леви-Строса при рассмотрении систем родства уже значительно отличается от методов его предшественников. В противоположность исследованиям, проводимым на уровне терминов родства, К. Леви-Строс выделяет в этих терминах дифференциальные признаки (пол, возраст, поколение, степень родственной близости) и пытается исследовать не сами эти термины, а их отношения: «Возникает вопрос о характере выражаемых отношений, а в случае каждого термина родства выясняется, какое значение — положительное или отрицательное — принимает каждое из этих отношений: поколение, классификационное употребление, пол, относительный возраст, свойство и т.д. Есть надежда именно на этом уровне “мик-

росоциологии” установить наиболее общие структурные законы, подобно тому как это делает лингвист на уровне более низком, чем фонемный» [10, с. 45]. Далее Леви-Строс отличает систему терминов родства (систему наименований) от системы норм поведения и установок. Вместе эти два противоположных плана реальности образуют «систему родства». Термины родства выражают различные типы семейных отношений, системы установок же направлены на обеспечение единства и равновесия в группе. Однако остается загадкой происхождение связей, существующих между различными установками, другими словами, «как и в языке, нам известна функция, но не ясна система» [10, с. 49].

Воссоединение терминов родства и систем установок дает в итоге «пучок» дифференциальных отношений и признаков, которые в различных составах и пропорциях реализуются в различных обществах (опять же видим здесь сходство с фонемами в фонологическом анализе). Применение лингвистических методов К. Леви-Стросом усложняет и одновременно упрощает исходные параметры анализа, делает соизмеримым внешне несходный материал и позволяет выявить более общие типы систем родства, нежели это удавалось предшественникам К. Леви-Строса.

С помощью такого подхода К. Леви-Стросу удается выявить и обосновать элементарную структуру родства, которая организует все многообразие систем родства.

До Леви-Строса уже предпринимались попытки вскрыть простейшие элементы системы родства. Так, А.Р. Рэдклиф-Браун сделал предположение, что отправной точкой системы родства, создаваемой в любом обществе, является биологическая семья. «Первичная семья», или, как бы мы сейчас ее назвали, *нуклеарная семья*, состоящая из мужа, жены и их ребенка (детей), составляет единицу структуры родства. Существование «первичной семьи», по А.Р. Рэдклиф-Брауну, порождает три вида социальных отношений, а именно: между родителем и ребенком, между детьми одних и тех же родителей и между мужем и женой как родителями одного ребенка или нескольких детей. Различные комбинации отношений между членами «первичных семей» образуют, в свою очередь, отношения первого, второго, третьего и т.д. порядков.

К. Леви-Строс, конечно, не сомневался в том, что биологическая семья существует и имеет продолжение в человеческом обществе. Однако, в отличие от А.Р. Рэдклиф-Брауна, он считал, что

социальный характер родству придает не то, что оно должно сохранить от природы (биологическое), а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы (социальное). А.Р. Рэдклиф-Браун показал в своих исследованиях, что даже во внешне наиболее строгих и самых искусственных системах, как, например, австралийских системах брачных классов, тщательно учитывается биологическое родство. Однако как бы ни было неоспоримо это его наблюдение, оно не затрагивает, по мнению Леви-Строса, решающего факта, заключающегося в том, что в человеческом обществе «родство устанавливается и непрерывно продолжается только посредством определенных разновидностей связей по свойству» [10, с. 65].

Действительно «элементарными», по К. Леви-Стросу, следует называть не семьи, представляющие изолированные члены отношений, а отношения между ними. Такие «элементарные» отношения в системах родства К. Леви-Строс находил в «авункулате» (установленная обычаем тесная связь между дядей по материнской линии и его племянником). *Отношения авункулата составляют исходную структуру, ядро систем родства* в концепции К. Леви-Строса. Авункулат как инвариант может быть представлен одинаковым образом и матрилинейными, и патрилинейными вариантами систем родства: «Роль дяди по материнской линии не может быть объяснима как следствие или пережиток счета родства по материнской линии; это лишь частное выражение “общей тенденции связывать определенные социальные отношения с определенными формами родства безотносительно к материнской или отцовской стороне”» [10, с. 51].

Далее К. Леви-Строс анализирует модели родственных отношений различных «первобытных» обществ. Отношения между каждым из двух родственников — мужем и женой, братом и сестрой, отцом и сыном, дядей и племянником — могут быть доброжелательными, интимными, свободными, равноправными либо, наоборот, сдержанными, враждебными, авторитарными, неравноправными. Иными словами, *представляют собой пары оппозиций* — «положительные» и «отрицательные» отношения. Например, на Кавказе у черкесов были приняты близкие, заботливые отношения между дядей и племянником, между братом и сестрой (условно назовем такой тип отношений «положительными») и жесткие, авторитарные отношения между отцом и сыном, между мужем и женой (условно назовем их «отрицательными»). На острове Тонга в Полинезии «по-

ложительные» отношения приняты между мужем и женой, дядей и племянником; «отрицательные» отношения — между братом и сестрой, отцом и сыном. В районе озера Кутубу в Новой Гвинее «положительные» отношения приняты между братом и сестрой, отцом и сыном; «отрицательные» — между мужем и женой, дядей и племянником. Это были примеры патрилинейных систем родства. А вот примеры отношений в матрилинейных обществах: на Тробрианских островах в Меланезии «положительные» отношения приняты между мужем и женой, отцом и сыном; «отрицательные» — между братом и сестрой, дядей и племянником. В Бугенвиле на Соломоновых островах «положительные» отношения приняты между братом и сестрой, отцом и сыном; «отрицательные» — между мужем и женой, дядей и племянником.

Анализ этих моделей показывает, что различные формы авункулата действительно могут сосуществовать с одним и тем же типом родственных связей, патрилинейным или матрилинейным. Более того, приведенные примеры позволяют нам увидеть, что системы родства основаны на одних и тех же четырех членах отношений (брат/сестра, муж/жена, отец/сын, дядя/племянник), связанных между собой двумя соотносительными парами оппозиций, так что в каждом из двух данных поколений всегда существуют одно положительное и одно отрицательное отношение. Что же это за структура и каково ее обоснование? К. Леви-Строс делает вывод, что именно эта структура и является самой простой (элементарной) структурой родства, которая только может существовать.

Опираясь на данный анализ моделей первобытных племен, можно сделать заключение, что для существования структуры родства необходимо наличие трех типов семейных отношений, всегда существующих в человеческом обществе, а именно: отношения кровного родства, отношения свойства и родственные отношения порождения — другими словами, отношения брата к сестре, отношения супруга к супруге, отношения родителей к детям [10].

Традиционная социология настойчиво пыталась объяснить происхождение авункулата. К. Леви-Строс же отказывается от этих поисков, рассматривая брата матери (дядю) не как внешний элемент, а как непосредственную данность в пределах наипростейшей семейной структуры. Но тогда возникает вопрос: почему же мы не встречаемся с авункулатом всегда и повсюду? Дело в том, объясняет К. Леви-Строс, что «хотя авункулат встре-

чается часто, но он не универсален. Отметим, прежде всего, что система родства не имеет одинакового значения во всех культурах. В некоторых случаях она несет в себе активный принцип, регулирующий все социальные отношения или большинство из них. В других группах, таких как наше общество, эта функция отсутствует или очень ослаблена; в-третьих же, как, например, в обществах индейцев прерий, она соблюдается лишь частично. Система родства является языком, но это не универсальный язык, и ему могут быть предпочтены другие средства выражения и действия» [10, с. 61].

Кроме того, авункулат рассматривается как характерная черта элементарной структуры. Эта элементарная структура, складывающаяся из определенных отношений между четырьмя членами отношений, «предстает перед нами как истинный *атом родства*» [10, с. 62]. Нет таких структур, которые могли бы быть поняты или даны вне основных требований его структуры, но она является единственным материалом для построения более сложных систем. Ведь есть более сложные системы, или, говоря точнее, любая система родства разрастается на основе этой элементарной системы, разветвляясь или развиваясь путем включения новых элементов.

Элементарная структура родства в том виде, как ее определил К. Леви-Строс, является *непосредственным следствием универсальности запрета инцеста (кровосмешения)*. В работе «Элементарные структуры родства» переход от природного союза, основывающегося на единокровности, к брачному союзу, основывающемуся на запрете инцеста, трактуется К. Леви-Стросом как установление, которое соединяет универсальный характер инстинктивной жизни с ограничительным характером социальных норм, как единственное культурное правило, которое является всеобщим. Другими словами, К. Леви-Строс полагает, что именно запрет кровосмешения в социальной организации представляет собой «границу» между природой и культурой. Уже упомянутый нами отечественный исследователь М.Н. Грецкий считал, что К. Леви-Строс весьма преувеличил значение запрета инцеста как перехода от природы к культуре. Сам М.Н. Грецкий склоняется к иной гипотезе, объясняющей запрет кровосмесительных связей: «Брак между кровными родственниками в случае рождения детей создавал невыносимую ситуацию двойственности родственных отношений. Так, по отношению к сыну, родившемуся от брака брата и сестры, его отец оказывается одно-

временно дядей, а мать — тетей» [7, с. 83]. Таким образом, как бы разнообразны ни были брачно-родственные системы разных племен, все они должны были установить запрет кровосмешения, чтобы избежать нарушений порядка в этих системах, основанных на строгом распределении прав и обязанностей между родственниками. С этой точки зрения запрет инцеста, несмотря на его универсальность, — целиком «культурное», или социальное, явление, а не пограничное между природой и обществом.

Структурный метод, разработанный К. Леви-Стросом для гуманитарных дисциплин с целью выявления бессознательных ментальных основ, воплощающихся в структурах продуктов культурной деятельности людей, постепенно разворачивается в отдельную науку — *структурную антропологию*, которая не относится ни к точным наукам, ни к гуманитарным, хотя и тесно с ними связана. Структурная антропология, по оценке К. Леви-Строса, покоится на естественных науках, соприкасается с гуманитарными науками и стремится к социальным наукам. Ближе всего структурная антропология К. Леви-Строса стоит к социологии и этнологии. Однако в отличие от этнологии антропология предполагает сформулировать систему, одинаково приемлемую и для «первобытного» человека (дикаря), и для «цивилизованного», то есть структурная антропология ориентируется не просто на изучение «первобытных» обществ, но имеет выход в современность. Социология, по мнению К. Леви-Строса, теснейшим образом связана с фигурой наблюдателя (субъектом исследования), который неизбежно субъективно определяет объект исследования. Структурная антропология, наоборот, стремится преодолеть субъективность и разработать науку «наблюденного». Таким образом, структурная антропология нацелена на *предельную, тотальную объективность* в своих исследованиях. Субъект здесь «теряет свои преимущества». К. Леви-Строс отмечает, что миссия философии состоит в понимании бытия по отношению к нему самому, а не по отношению к «я». Таким образом, К. Леви-Строс оказался прямым предшественником постструктуралистских концепций «смерти субъекта», «смерти автора».

Игнорирование субъект-объектных отношений, ориентация структурализма на тотальную объективность и, как следствие, на отказ от «субъекта», ведет, на наш взгляд, к односторонности и ограниченности подхода.

Однако структурализм ценой отвлечения от

посторонних внешних и внутренних факторов выявляет логически правильные частичные структуры (в цельной системе сочетаются несколько таких структур), в связи с чем он дает интересные новые результаты в синхронно-диахронном аспекте. В этом плане структурализм как метод выявления скрытых бессознательных структур является эффективным научным методом, аналогичным по своему статусу таким методам, как вероятностно-статистический, теоретико-информационный, сравнительно-исторический и др. Однако каждый из этих методов, в том числе и структурализм, *позволяет исследовать объект лишь с какой-то одной стороны* и, следовательно, нуждается в дополнении другими методами (моделирование, формализация, математизация, гипотетико-дедуктивный метод и др.). Но даже «в соединении с несколькими другими методами структурализм дает одностороннюю картину объекта» [6, с. 57]. Как правило, она носит статистический характер, может быть использована для типологических обобщений, для выявления универсальных инвариантов, для ряда прикладных применений с использованием машинной техники, но не позволяет объяснить развитие объекта. Действительно, концепция К. Леви-Строса *не дает объяснения смене структур в историческом процессе*, но дает очень много для понимания механизмов культуры, обеспечивающих ее воспроизведение в течение некоторого исторически обозримого периода. Это отвлечение от одних возможных аспектов анализа ради других аспектов оправданно с методологической точки зрения. «Однако эта исходная ограниченность рамок исследования влечет за собой ограниченность его перспектив и результатов» [2, с. 140].

Список литературы

1. Автономова Н.С. Леви-Строс — in memoriam: уроки структурной антропологии и гуманизм XXI века // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 97–107.
2. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
3. Береснева Н.И. Философия языка / Пермский государственный университет. Пермь, 2008. 122 с.
4. Береснева Н.И. Язык и реальность / Пермский государственный университет. Пермь, 2004. 180 с.
5. Грецкий М.Н. Структура структурализма // Философские науки. 1973. № 1. С. 111–115.

6. *Грецкий М.Н.* Структурализм: основные проблемы и уровни их решения (критический очерк) // *Философские науки*. 1974. № 4. С. 53–64.
  7. *Грецкий М.Н.* Человек и природа в концепциях структурализма // *Природа*. 1974. № 7. С. 78–85.
  8. *Иванов В.В.* Леви-Строс и структурная антропология // *Там же*. С. 77–99.
  9. *Леви-Строс К.* Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 220 с.
  10. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Академ. проект, 2008. 555 с.
  11. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
-

PROBLEM OF LANGUAGE AND REALITY CORRELATION IN STRUCTURAL ANTHROPOLOGY OF K. LEVI-STRAUS. ANALYSIS OF STRUCTURAL METHOD IN RESEARCH OF PRIMITIVE TRIBES SYSTEMS OF RELATIONSHIP

Elena A. Kokareva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article considers the evolution of the ideas of popular the Western-European currents — structuralism: from linguistics F. de Saussure to structural anthropology French ethnographer 40–50-ies of XX century K. Levi-Straus. The thinker finds structural similarity between language and reality; he considers all the phenomena of cultural life of the person through the language (system of relationship, rituals, customs, mythology, paintings etc). In philosophy and the Humanities, thus, gets support the idea of the relative autonomy of the language, its influence on reality. The author of the article considers the problem of correlation of language and culture (reality) in the program of structural anthropology, gives the analysis of structural method K. Levi-Straus.

Key words: language; reality; structuralism; structural anthropology; K. Levi-Straus; unconscious structure; system of relationship.